
АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Л.Ю. Бронзино, А.Е. Вольчина

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Благодаря особому подходу к исследованию общества феноменологическая социология стала теоретико-методологической основой изучения ряда социальных явлений, условно обозначаемых как «субъективные». К таким явлениям относится адаптация — сложный социально-психологический процесс, связанный с погружением индивида в новое социокультурное окружение и, следовательно, провоцирующий неоднозначные сдвиги в личностном развитии. В статье описываются результаты проведенного в апреле 2012 г. исследования процессов адаптации студентов РУДН, осуществленного методом глубинного интервью в рамках данной теоретической парадигмы.

Ключевые слова: адаптация, социализация, феноменологическая социология, глубинное интервью, студенты.

Феноменологическая социология формирует специфический исследовательский фокус, позволяющий увидеть социальные явления как традиционно исследуемые социологией, так и, как правило, исключаемые из исследовательского поля социологического знания. Необычность феноменологического подхода к исследованию диктуется двумя соображениями разного плана. Во-первых, теоретического, связанного со спецификой концептуального аппарата, созданного феноменологической социологией. К его базовым понятиям относится *жизненный мир*, определяемый как мир человеческого опыта, в котором можно выделить смысловые структуры, чей поиск является основной задачей социологии, по А. Шюцу. Жизненный мир — это мир обыденного знания, непосредственно знакомой каждому повседневности, чья ограниченность неизбежна. Социолог, будучи частью этого мира, неизбежно включен в социальную реальность «первого порядка» и именно на этом уровне формирует первичные представления о действительности, становящиеся основой для дальнейших обобщений. Феноменология дает способ сосредоточиться на самом механизме, структуре обыденного «знания-незнания», благодаря которому возникает социальная организация.

Жизненный мир *интерсубъективен* — люди поддерживают уверенность в мире друг в друге, пользуясь одинаковыми знаковыми системами и наделяя их схожими смыслами в процессе социализации. *Биографическая ситуация* представляет собой уникальный опыт отдельного индивида. Когда устанавливается связь с опытом других, возникает смысл — собственно социальное: «социальная реальность — имеет специфическое значение и конкретную структуру для людей, живущих, дей-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Межкультурное взаимодействие в полиэтничной молодежной среде: ценности, факторы, механизмы (социологический подход)» по Государственному контракту № 14.740.11.0792 (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы).

ствующих и думающих в ее пределах. Серией конструкций обыденного сознания они заранее выбирают и интерпретируют этот мир, который они воспринимают как реальность их повседневной жизни. Это и есть те идеальные объекты, которые определяют их поведение, мотивируя его» [8. С. 535]. Совокупность таких связей, закрепленная в обобщенном опыте, представляет собой *типические конструкторы* действий, процесс возникновения которых феноменологическая социология стремится раскрыть, исследуя процессы становления представлений от индивидуальных к универсальным. На основе субъективного опыта происходит процесс становления коллективного и объективного — осуществляется объективация, механизмами реализации которой выступают идеализация и типизация, в систематизированном *наличном запасе знаний*. Структура означает также взаимную связь: ни один объект «не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом» [7. С. 129]. *Релевантность*, или соответствие жизненных перспектив, сконцентрированных в биографически детерминированных наличных запасах знаний, является основой для коммуникации и ее единственным условием.

Во-вторых, помимо специфически реализованной концептуализации основных принципов человеческого взаимодействия, феноменологическая социология предлагает особую методологическую перспективу, в рамках которой возможен эмпирический анализ конкретных социальных явлений. П. Бергер и Т. Лукман, ставя перед собой задачу описания социологии знания как эмпирической дисциплины, так говорят о своем предмете: все, что считается знанием в обществе, должно изучаться социологией знания (подобным пониманием проблемы они обязаны А. Шюцу).

Повседневность, имеющая для индивидов «субъективную значимость в качестве цельного мира» [2. С. 38], должна приниматься исследователями феноменологически, т.е. как несомненная данность. Она является сама собой разумеющейся для всякого индивида и им же формируется в процессе деятельности — социального конструирования реальности. Этот процесс субъективен, т.е. осуществляется сознательной активностью субъекта, но в результате происходит объективация тех субъективных значений, которые создаются индивидом. Эти объективации Бергер и Лукман называют смыслами и придают им особую роль — с их помощью происходит формирование интерсубъективного мира.

Когда субъективные значения объективируются, возникает социальный порядок, в частности, в виде институциональных практик. Застав социальный порядок в «готовом виде», человек может усомниться в незыблемости установленных правил и необходимости с их помощью ограничивать свою индивидуальную свободу. Тогда ему понадобятся объяснения и оправдания, которые Бергер и Лукман называют легитимацией. Если социальный институт не сможет поддержать своеобразную мифологию своей полезности и объяснить всем, что он нужен (даже если он на самом деле нужен), он рискует разрушиться.

Общество создает специальные механизмы развития социальности индивида — социализации. На первом этапе задача сводится к тому, чтобы в принципе иметь доступ к субъективности другого, т.е. освоить азы интерпретации, которой

подвергается весь мир вокруг индивида. Традиционно первичной социализации, происходящей преимущественно в семье, отводится особое место в становлении личности: человек здесь осваивает только свой мир, мир своей социальной группы или класса, среди которого выделяются значимые другие. Первоначально ребенок видит мир именно их глазами, их субъективные значения становятся для него объективными. Осуществленная Бергером и Лукманом конкретизация базовых принципов феноменологической социологии создала основу для эмпирических исследований, которые осуществляются на ее основе. Формальных ограничений применения феноменологической методологии к решению конкретных исследовательских задач не существует, однако ей однозначно релевантен ряд предметных областей социальной реальности, обобщенно называемых личностно ориентированными. К таковым относятся, в частности, проблемы, связанные с формированием личности социального субъекта, — его социализации и адаптации.

Постановка проблемы социальной адаптации приобретает особую актуальность и специфический ракурс, когда предметом исследования становятся приезжающие на учебу студенты. Любопытный «кейс» такого рода (в нем, как представляется, парадоксальным образом сочетается типичность и индивидуализированная нестандартность) можно зафиксировать в группе студентов Российского университета дружбы народов, приехавших из разных стран или регионов Российской Федерации и проживающих в общежитии. С одной стороны, этот вуз можно считать специфическим в связи с многообразием стран и регионов, из которых в него приезжают студенты, формирующие тем самым поликультурную среду. С другой стороны, в современном обществе, по крайней мере в больших городах, поликультурность стала неотъемлемым свойством жизни. Поэтому нельзя считать случай РУДН уникальным и абсолютно исключительным — здесь, скорее, универсальные черты получают наиболее яркое выражение. Осложнив идентификационные практики, современное глобализированное сообщество создало разнообразные проблемы индивидуальной социализации и адаптации, но и предоставило социологу возможность применения феноменологически фундированных методик исследования.

Адаптация в широком смысле — процесс приспособления к новой для индивида среде, и ситуация заселения в студенческое общежитие, сопровождающаяся сменой места жительства, привычек, целого ряда «физиологических», т.е. связанных с бытовыми сложностями перемен, является исключительно ярким ее примером. Внутренние сдвиги и изменение сознания студентов, вызванные попаданием в новую среду, изменением социального статуса и новым уровнем индивидуальной автономности и ответственности, создают ситуацию «вынужденной адаптации» и представляют значительный исследовательский интерес для феноменологически-ориентированного социолога.

Изучение адаптации студентов РУДН осуществлялось методом глубинного интервью, позволяющим выявить скрытые мотивы и установки индивидов, что в полной мере релевантно предмету исследования. Поскольку качественная методологическая стратегия не предполагает процедуры построения выборки, отбор конкретных респондентов осуществлялся исходя из сконструированных исследователем на основе соображений здравого смысла базовых типизаций (т.е. воспроизводилась мыслительная операция, предложенная Шюцем в качестве характер-

ной для социального познания). Именно такие соображения предопределили формулировку гипотезы, согласно которой биографические ситуации радикально разнятся у студентов, принадлежащих разным культурам, следовательно, наиболее очевидным критерием их отбора для исследования является географический — представлялось логичным опросить студентов из разных регионов и выяснить, имеется ли связь между удаленностью от Москвы (т.е. климатической и культурной средами их постоянного проживания) и степенью их адаптированности. Было проведено 13 глубинных интервью со студентами Российского университета дружбы народов, проживающими в общежитии, семь из которых являлись иностранцами (приехавшими из Анголы, Нигерии, Гватемалы, Марокко, Туркменистана, Грузии), шесть — гражданами Российской Федерации из разных регионов (табл. 1, 2).

Таблица 1

Опрошенные иностранные студенты

Респондент	1	2	3	4	5	7	8
Страна / город	Ангола / Луанда	Марокко / Рабат	Туркменистан / Ашхабад	Нигерия / Лагос	Албания / Тирана	Грузия / Тбилиси	Гватемала / Гватемала
Курс	2 курс	2 курс аспирантуры	6 курс	3 курс	2 курс магистратуры	4 курс аспирантуры	2 курс магистратуры
Возраст	25	27	27	22	26	26	24
Специальность	Связи с общественностью	Юриспруденция	Медицина	Политология	Архитектура	Журналистика	Строительство

Таблица 2

Опрошенные студенты — граждане Российской Федерации

Респондент	9	10	11	12	13	14
Страна / город	РФ / Озерск (Челябинская обл.)	РФ / Улан-Удэ (Бурятия)	РФ / Краснодар	РФ / Мурманск	Северная Осетия / Моздок	РФ / Петропавловск-Камчатский
Курс	4 курс	4 курс	5 курс	1 курс ординатуры	2 курс	1 курс аспирантуры
Возраст	22	21	21	24	19	22
Специальность	Социология	Социология	Медицина	Медицина (стоматология)	Лингвистика	Социальная психология

Была разработана схема взаимосвязи различных факторов, с которыми индивид сталкивается, приехав на новое место, реакции на них и степенью адаптивности индивида (табл. 3). Все студенты были условно разделены на три категории в зависимости от степени адаптированности — со слабой, средней и высокой адаптированностью, определяемой субъективными ощущениями индивида, его определением себя как находящегося в более или менее комфортных условиях. Условность, предполагаемая данной классификацией, искупается двумя обстоятельствами, во-первых, слабой разработанностью, несмотря на популярность, понятия адаптации. Будучи научно признанным концептом, адаптация рассматрива-

ется как процесс, происходящий с попавшим в новую среду индивидом, притом что характеристики этого индивида, позволяющие однозначно определить его как «адаптированного» или «неадаптированного», в литературе по данной тематике отсутствуют. Во-вторых, его понимают скорее в обыденном смысле, и это последнее выступает вторым фактором, предопределяющим его использование в контексте данной работы. Приступая к конкретному исследованию и анализируя отдельных индивидов с точки зрения степени их адаптированности, неизбежно сталкиваешься со сложностями методологического характера, а именно невозможностью зафиксировать некое исходное состояние, по отношению к которому новая среда будет препятствовать нормальному поведению и социальному самочувствию индивида (в нашем случае — студента). Соответственно, отсутствуют и параметры приспособленности к новым условиям, которые не удастся представить обособленно от социально-психологических характеристик индивида, имевшихся до условного начала процесса адаптации — переезда.

Таблица 3

Взаимосвязь ряда факторов со степенью адаптированности

Критерий	Слабая степень адаптированности	Средняя степень адаптированности	Высокая степень адаптированности
Климат	С трудом переносит климатические условия	Воспринимает климат, как должное	Легко приспособился к климату, нравится русская зима
Разница во времени	Сложно было перестроиться на московское время	После нескольких дней, перестроился на московское время	Быстро и без особых трудностей перестроился под новый часовой пояс
Режим дня	Непривычный режим дня: тяжело вставать на учебу	Сперва вызывал некоторые трудности, потом стал привычным	Особо не изменился, легко привык к новому режиму
Кухня	Не подходит предлагаемая кухня, сложно найти продукты по вкусу, не привык самостоятельно готовить	Сносное отношение к кухне, выбор продуктов по вкусу	Не встретил особых трудностей, охотно пробовал новые продукты, с удовольствием готовил сам себе пищу
Коммуникативные навыки	Необщителен, замкнут	Средние коммуникативные навыки, общается под настроение	Легко сходится с людьми, активно общается, экстраверт
Язык	Тяжело дается обучение русскому языку, восприятие языка	Пришлось приложить усилия, но в целом русский понимает, может что-то сказать	Русский язык дался легко, быстро усвоил разговорную лексику
Уровень толерантности (разница в культуре, традициях)	Уклад жизни окружающих людей слишком непривычен, чужд, вызывает неприязнь	Некоторые моменты вызвали удивление, но, в общем, отторжения не было. Спокойное отношение к чужим традициям	Заинтересовался культурой и традициями русских, хотя при этом остался верным своим традициям
Возраст	Чем старше человек, тем сложнее приспособиться		
Ожидания от жизни в России/ обучении в вузе	Ехал без энтузиазма, по указке родителей или с изначальной неприязнью к стране, образованию в вузе	Особых ожиданий не было, либо 50/50	Позитивное настроение, желание поехать в Россию, познакомиться с новой культурой, окунуться в студенческую жизнь
Поддержка семьи	Мало общается с близкими	Периодически созванивается с близкими	Активная поддержка семьи, душевные отношения
Планы на будущее	Не собирается оставаться в России	Не определился	Собирается остаться в России или отправить учиться сюда своих детей в будущем

В результате адаптация выступает в рамках многих социологических и психологических исследований как понятие обыденного уровня, не получившее осмысления как концептуализация (по Шюцу) второго порядка. Это открывает перед социологом-феноменологом дополнительную перспективу: даже первичная классификация будет удовлетворять первичным критериям научного абстрагирования, а эмпирические данные получают обобщение в соответствии с существующими на уровне обыденного сознания параметрами адаптированности: слабой, средней или высокой.

Важной методологической предпосылкой исследования было также предположение о том, что погруженные в новую среду студенты будут формировать социальные связи и разрабатывать механизмы коммуникации, т.е. являть собой пример формирования социальности. С учетом данной перспективы был разработан гайд интервью, вопросы в котором условно разделились на два блока: физический и социальный. К первому блоку относились вопросы, касающиеся условий проживания студентов в общежитии и адаптации к окружающей среде — климату, новому распорядку дня, другой кухне и т.д. Во второй блок вошли вопросы психологического характера: был ли человек настроен ехать учиться в РУДН, что ожидал получить от пребывания в Москве, получает ли поддержку от семьи и т.д.

Выдвижение гипотез исследования осуществлялось в соответствии с предлагаемой феноменологией методологией, т.е. исходя из того, что субъективные смыслы, интериоризованные в ходе предшествующей социализации, в целом будут сохранять свое значение, и именно их принципиальная разница с ценностями и установками, распространенными в новой среде, предопределяет сложности адаптации. Тогда противоречия культурного плана, находящие свое отражение в поведении индивида, будут свидетельством степени его адаптированности. Типические конструкты действий индивидов, будучи связанными с их биографическими ситуациями, в наибольшей степени должны подвергаться трансформациям в максимально разнящихся условиях, которые могут иметь конкретное измерение, что и было обобщено в следующих гипотезах:

- 1) чем сложнее приспособиться к климатическим условиям, тем дольше и труднее происходит адаптация;
- 2) даже небольшая разница во времени способна надолго выбить человека из колеи, привить неприязнь к новому месту, затормозить адаптацию;
- 3) чем ниже уровень адаптивности, тем дольше человек привыкает к новому режиму дня, а также к новой кухне и образу жизни;
- 4) развитые коммуникативные навыки способствуют лучшей адаптации;
- 5) успешное изучение русского языка способствует быстрой адаптации;
- 6) высокий уровень толерантности помогает человеку скорее адаптироваться к новым условиям;
- 7) чем моложе человек, тем легче он адаптируется к новым условиям;
- 8) изначальный позитивный настрой повышает способность адаптироваться в новой среде;
- 9) теплые отношения в семье и регулярная связь с родными способствуют лучшей адаптации;

10 адаптировавшийся человек более склонен остаться жить и работать в России (Москве), чем неадаптировавшийся.

Гипотезы формулировались также исходя из идеи о том, что социолог выступает носителем конструктов здравого смысла — наличного запаса знаний, распространенных в той среде, к которой должны адаптироваться студенты. Именно поэтому формулировки носили характер повседневных максим, которые могли найти подтверждение в ходе исследования в том случае, если расхожие, обыденные представления об адаптации верны.

Первый этап исследования, соответствующий формулировке первичных обобщений по Шюцу, завершился выводом о том, что на адаптацию у опрошенных в большей степени влияют социальные факторы (гипотезы 4—10), хотя эту зависимость нельзя считать однозначной.

Практически не нашла подтверждения идея «чем дальше ехать, тем сложнее адаптироваться», хотя именно бытовые особенности формируют повседневную реальность. Однако ни легендарный русский мороз, ни радикально отличающаяся кухня, ни воплощенные в поведенческих стереотипах культурные нормы, ни даже религиозная принадлежность не стали препятствием для адаптации одних и стимулом, облегчающим ее, для других. Несмотря на то, что многие студенты приехали из стран экваториального и субэкваториального пояса, например, Анголы или Гватемалы, а также выросли в странах с ярко выраженной традиционной культурой (Марокко, Туркменистан), все они легко приспособились к другому климату, часовому поясу и стилю жизни.

Социальные факторы, к которым относилась мотивация студентов, их ожидания от жизни в России (или в Москве, если опрашивались граждане России), отношение к представителям других культур, освоение русского языка, поддержка семьи и планы на будущее, должны были представить общую картину процессов формирования жизненного мира.

Если нивелирование факторов физического плана в современном глобализированном мире не вызвало особого удивления (все они в той или иной степени относятся к числу решаемых на территории мегаполиса, совмещающего бесконечное разнообразие культурных образцов), то отсутствие ярко выраженной связи между адаптацией и социальными факторами было неожиданным. Ни один из выделенных факторов не оказался решающим для успешной адаптации студентов. Более того, хотя изначально предполагалось, что успешное изучение языка способствует более быстрой адаптации студентов, на деле было обнаружено, что уровень адаптации сам по себе влияет на уровень знания русского языка. Иными словами у респондентов, быстрее всего освоившихся в новой среде, уровень знаний языка был выше, а процесс обучения протекал легче. Также не обнаружилось связи между уровнем толерантности, возрастом, изначально позитивным настроением индивида на обучение в РУДН и способностью к адаптации. Респонденты могли отзываться отрицательно о своих взаимоотношениях с представителями других культур (например, соседях по общежитию), а также быть достаточно пессимистически настроенными по отношению к образованию и жизни в России (или Москве), но при этом чувствовать себя достаточно комфортно и свободно уживаться в данной

среде. Также с уровнем адаптированности никак не коррелировали факторы общения с семьей и планы на будущее. Единственным критерием, действительно влияющим на способность респондентов к адаптации, следуя разработанным гипотезам, оказалось развитие у индивидов коммуникативных навыков.

Полученный вывод привел к необходимости дальнейшего исследования, базирующегося на том, что детерминантой адаптивности студентов к новой среде является коммуникативность. Такой результат предопределил необходимость проведения второго этапа исследования — вторичного анализа полученных данных с целью выявления того, что же представляет собой коммуникативность в данном контексте и конструирования типов коммуникативных навыков, способствующих адаптации.

Словарной дефиниции коммуникативности в нашем контексте оказалось достаточным — она определяется как врожденная или приобретенная способность, навык, умение передавать правильно свои мысли, чувства, эмоции так, чтобы они правильно (доходчиво) были поняты, другим человеком, т.е. способность кодировать, декодировать, перекодировать передаваемую информацию таким образом, чтобы она без искажений (или шумов) была принята и декодирована реципиентом [3]. Близкое к обыденному понимание коммуникативности было признано релевантным целям исследования — необходимо, чтобы рассматриваемые понятия адаптации и коммуникативности располагались на одном рефлексивном уровне, чему данная интерпретация удовлетворяла.

Принятая изначально исследовательская установка, касающаяся уровня коммуникативных навыков студентов, состояла в тезисе, что они относятся к числу людей с более развитыми коммуникативными навыками, чем их ровесники, оставшиеся дома. Ведь для приспособления к незнакомой среде требуется не только преодолеть страх перед переменами, но и умение наладить отношения с новыми людьми. Можно говорить об их предрасположенности к конструированию активной коммуникативной среды и наличию навыков интеракции.

Исследование показало, что коммуникативные навыки большинства опрошенных получили наибольшее развитие уже по приезду, жизнь в общежитии стала стимулом интеракции. Часть респондентов подчеркивала, что жизнь вдали от дома и вынужденная самостоятельность подтолкнули их к общительности и заведению новых знакомств («...я приехала закомплексованной, серой мышкой... ну, а теперь повзрослела, стала общительной и вообще „Эге-гей!“»). Это можно объяснить тем, что навыки общения развиваются в процессе адаптации: более активный обмен информацией с другими людьми способствует быстрому накоплению наличного запаса знаний, что выражается в изменении мировоззрения и поведения, ускоряющего, в свою очередь, процесс адаптации. Все это позволяет говорить о взаимозависимости двух исследуемых феноменов — коммуникативности и адаптации. Тогда следующей задачей, которую предстояло решить, было выявление конкретной корреляции между коммуникативными навыками и степенью адаптивности. Эмпирической основой послужили те же тринадцать интервью: следствием того, что они имели глубинный характер, была фиксация не только вербаль-

ных смысловых единиц (которые подвергались анализу на первом уровне), но и совокупность невербальных выражений и сама структура коммуникации.

Таким образом, исследование разделилось на два этапа, в первом из которых брался широкий спектр факторов, влияющих на способность адаптивности индивида как со стороны окружающей среды, так и со стороны конструкторов его сознания, а во втором отдельному анализу подверглось понятие коммуникативности, как совокупности конструкторов здравого смысла в сознании индивида, оказывающей наибольшее влияние на способность приспособления к новой среде.

Известная сложность изучения некоторых «формальных» параметров коммуникации актуализировала проблему выбора адекватной задачам исследования методики. Привлечение конверсационного анализа (достаточно скудно освещенного в российской социологической литературе) было продиктовано его ориентацией на рассмотрение структурной организации вербальных сообщений и наличием в нем категориального аппарата, позволяющего «реконструировать структуру разговора, не зависящую от непосредственного содержания говоримого» [5]. Конверсационный анализ «направляет внимание исследователя на задействованный в разговорах дескриптивный аппарат, т.е. основанный на обыденных запасах знания процедурный инструментарий, посредством которого собеседники в каждой конкретной коммуникативной ситуации производят смыслы текущей социальной ситуации *ad hoc*, здесь и сейчас» [5].

Результатом конверсационного анализа различных деталей интеракции в текстах проведенных интервью было выделение ряда признаков, указывающих на развитие коммуникативных навыков респондентов: темп речи; интонация; словарный запас; подробность изложения; использование сленга; жестикация; эмоциональность речи.

Так, респонденты, чувствующие себя наиболее комфортно в новых для них условиях, во время интервью вели себя раскрепощенно, активно жестикулировали и давали исчерпывающий ответ на заданный вопрос. Многие иностранцы, критично отзываясь о своей жизни в России, при этом использовали богатый словарный запас с разговорной лексикой и охотно шли на контакт. Другие же, например некоторые граждане России, вели себя более замкнуто и давали краткие официальные ответы. При этом, как правило, темп их речи был медлителен, сама речь эмоционально не окрашена, а жестикация почти отсутствовала. Следовательно, можно говорить о наличии связи между развитостью признаков коммуникативности и уровнем адаптивности, который, в свою очередь, зависит от коммуникативных навыков респондента. Данный результат подтверждает, что способность к адаптивности есть следствие конструкторов здравого смысла индивида, на основе которых выстраивается его видение мира и способность взаимодействовать с другими людьми. Скорее всего, такого рода конструкторы были сформированы еще до приезда — в ходе первичной социализации, и именно ее характер выступает детерминантой способностей к адаптации.

Таким образом, коммуникативность является основным фактором, формирующим способность индивида к наиболее быстрой и успешной адаптации. Выде-

ленные признаки коммуникативных навыков в проведенных интервью ясно отображали манеру общаться и общее настроение респондента: хотя человек мог в целом негативно отзываться о своем опыте жизни и учебы в Москве, благодаря способности к коммуникации он легко приспосабливался и чувствовал себя вполне комфортно. Это выражалось в более живой речи, активной жестикуляции, общей эмоциональности и подробном изложении. Именно эти признаки и сформировали обобщенный признак высокой адаптированности студентов.

Феноменологическая установка, использованная в ходе исследования, позволила проследить взаимосвязь установок личности, сформировавшихся в процессе социализации, и новых для нее внешних условий. Помимо этого появилась возможность проследить динамику структур сознания студентов, т.е. рассмотреть адаптацию как процесс, особенности которого фиксируют сами респонденты. Ответы на вопросы «Чему Вас научила жизнь вдалеке от дома? Какие новые качества характера Вы приобрели? Что в Вас изменилось?» отражают ряд трансформаций в конструктах сознания индивидов.

Можно говорить о росте дисциплинированности, житейской рациональности и самоконтроля. Сравнение новых условий со своей прошлой жизнью ведет к пониманию ценности семьи, домашнего очага, роли родителей. Студенты фиксируют собственный личностный рост — формирование установок на независимость, уверенность в себе в случае высокой адаптации, или ожесточенности и отчужденности — если индивид не смог адаптироваться.

Общение с новыми людьми, в том числе с представителями других культур, приводит к формированию таких черт, как толерантность, умение ладить с окружающими и находить общий язык с представителями иных культур, а также неприхотливость к условиям жизни в связи с необходимостью мириться с привычками своих соседей и общими нормами жизни в общежитии. При этом независимо от степени адаптированности у студентов происходит развитие коммуникативных навыков в связи с необходимостью удовлетворять потребности в общении, а также успешно учиться и решать ежедневные бытовые проблемы. К существенным результатам исследования следует также отнести вывод, касающийся специфики жизни в мегаполисе, где темп и потоки информации многократно превышают привычные для многих приезжих стандарты, что провоцирует трансформации в структуре сознания личности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование. — URL: <http://coolreferat.com/247116>
- [2] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995.
- [3] Коммуникативность. Толковый переводоведческий словарь. — URL: <http://pervodovedcheskiy.academic.ru>.
- [4] *Мещерякова Л.Ю.* Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2002. — № 1.
- [5] *Турчик А.В.* Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью. Дисс. ... канд. социол. наук. — М., 2010.

- [6] *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М., 2004.
- [7] *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — № 2.
- [8] *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. — М., 1996.
- [9] Phenomenology // Encyclopedia of Sociology. E.F. Borgatta, R. Montgomery (ed.). — Vol. 3. — Macmillan Reference USA, 2000.

ADAPTATION OF STUDENTS TO UNIVERSITY MILIEU: A SOCIAL-PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

L.Yu. Bronzino, A.E. Volchina

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Phenomenological sociology, due to its specific approach to the study of society, has become the theoretical and methodological basis for analyzing a number of social phenomena, conventionally termed as “subjective”. To these phenomena we refer adaptation — a complex social-psychological process, involving the individual’s immersion into a new socio-cultural milieu and, consequently, initiating ambiguous shifts in personal development. The article describes the results of the research carried out in April, 2012 and focused on adaptation processes characteristic for PFUR students, with the analysis relying on the depth interview method within the framework of this theoretical paradigm.

Key words: adaptation, socialization, phenomenological sociology, a depth interview, students.